

Зачем нужны университеты?

СТЕФАН КОЛЛИНИ

Перевод с английского
ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию (А. Олейников) 6

Введение 13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Глобальный мультиверситет? 21

II. Университеты в Британии: очень краткая история 42

III. Полезное и бесполезное: ревизия Ньюмена 66

IV. Характер гуманитарных наук 93

V. Высочайшие устремления и идеалы:
университет как общественное благо 124

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пролог: Поводы для защиты 159

VI. Библиометрия 165

VII. Бизнес-аналогия 179

VIII. Компания «Британское высшее образование» 204

IX. Импакт 223

X. Ставка Брауна 236

Эпилог: Сложное наследие 257

Спрашивая, *зачем* нечто существует, легко нарваться на неприятности. Во-первых, есть опасность свести сложную деятельность или институт к какой-то единичной узкой цели: вряд ли можно дать краткий и в то же время содержательный ответ на вопрос о том, *зачем*, скажем, существует любовь или какая-то страна, — сразу же чувствуется, что любой ответ неизбежно окажется скучным, чем-то средним между банальностью и предвзятостью. Другая проблема в том, что любой ответ, похоже, провоцирует тот же самый вопрос: «А зачем нужно *это?*», и тогда может возникнуть бесконечный регресс. Когда шар рассуждения скатывается по склону оправдания, мы понимаем, что конечным пунктом, скорее всего, станет мутный пруд абстрактных существительных, в котором теряются все отличительные черты. Однако любая промежуточная остановка кажется произвольной, и по этой причине шар всегда можно толкнуть дальше. Эта ситуация напоминает старую карикатуру, на которой воинственный и не по годам развитый ребенок, сидящий за кухонным столом, обхватив голову руками, говорит недоумевающему взрослому: «Я просто отметил, что в выражении “потому что потому”, с моей точки зрения, содержится неявная посылка». В истории не сохранилось сведений о том, стал ли впоследствии этот ребенок выдающимся философом (и дожил ли вообще до совершеннолетия).

Но иногда вопрос о том, *зачем* нечто существует, может, если понимать его как тактику изложения, как отправной пункт, а не приговор, выступать вспомогательным средством, позволяющим расчистить дискурсивные завалы, накапливающиеся вокруг любой широко употребляемой категории. Уже самой постановки этого вопроса в несколько преувеличенной и назидательной форме может быть достаточно, чтобы мысль начала выпутываться из вороха случайных подробностей, выясняя, какой именно ответ можно будет считать полезным. С этого

момента, скорее всего, разумно будет не пытаться ставить вопрос в этой узкой форме, а позволить рассуждению постепенно раздвигать рамки, затрагивая самые разные предметы, которые, возможно, объединяются одним наименованием, и осмысляя характеристики или исторические примеры, не требующие отыскания единственного положения, определяющего всё и вся. Такова, собственно, и будет тактика этой книги. Исходный вопрос послужит хорошим подспорьем уже в том случае, если поможет запустить подобный ход мысли, способной в какой-то мере отстраниться от назойливого повторения дежурных фраз, то и дело встречающихся в новостных статьях и колонках с комментариями. Джон Мейнард Кейнс однажды спросил: «Зачем нужна экономика?», желая этим вопросом напомнить своим читателям, что поиски богатства являются не самодостаточной целью, а средством для того, чтобы жить «мудро, приятно и хорошо»¹. Пример Кейнса важен и поучителен, поскольку любое обсуждение места университетов в современном обществе в итоге заставит сформулировать, пусть и с использованием довольно бедной терминологии, смысл человеческих устремлений, не ограничивающийся накоплением богатств.

По крайней мере, так можно было бы подумать. Однако едва ли будет преувеличением сказать, что в большей части современных публичных дискуссий об университетах всё сводится к следующему удручающему тезису: университетам нужно обосновать, зачем давать им больше денег, и единственный способ — показать, что они помогают делать больше денег. Эта книга — попытка начать с какого-то другого места и поговорить об университетах иначе.

Поскольку есть очевидный риск того, что мои аргументы, выстроенные в такой логике, в определенных кругах будут неверно истолкованы или искажены (у меня еще осталось несколько синяков от прежних попыток отстоять свои доводы), позвольте мне специально отметить здесь, что я, как и, наверное, любой, кто работает в уни-

¹ Keynes J.M. *Essays in Persuasion*. L.: Macmillan, 1931. P. 328.

верситетах или обеспокоен их состоянием, нисколько не пытаюсь занизить расходы этих институтов и не предполагаю, что у них есть некое богоданное право на щедрое финансирование. Разумеется, надо еще доказать их ценность и значение. Однако доказать это нужно надлежащим образом, используя категории, которые не являются в первую очередь или тем более исключительно экономическими. Это должны быть интеллектуальные, образовательные, научные и культурные категории. Кроме того, следует подчеркнуть, что высшее образование — это общественное благо, а не просто система частных выгод, получаемых теми, кому посчастливилось иметь к нему отношение, а потому будет ошибкой допускать, будто аргументы в защиту университетов должны представляться в виде доводов определенной фракции или заинтересованной стороны, к которой относятся сегодняшние студенты и академические работники.

В этой книге доказывается, что мы не сможем выделить отличительный признак университетов, если сосредоточимся на тех или иных вариантах локальной, а потому неизбежно временной модели их финансирования. Точно так же мы не сможем приблизиться к пониманию истинного характера и интереса интеллектуального поиска, если начнем с посылок тех, кто считает, будто такой поиск — это роскошь, экономическую полезность которой еще надо обосновать. Не сможем мы прийти и к достаточно полному осознанию того, что включается или должно включаться в университетское образование в противоположность многим иным формам обучения и тренировки, если начнем с сегодняшней озабоченности «доступом». «Финансирование», «импакт» и «доступ» — эти три отправных пункта, которые могут рассматриваться либо по отдельности, либо, что бывает чаще, в виде троицы, призванной продемонстрировать реализм и современность чьей-то позиции, — сегодня явно господствуют в политическом и медийном обсуждении университетов в Британии. Но на самом деле они суть второстепенные предметы, а два последних особенно — и просто преходящие формулы, топорные обобщения некоторых аспектов социальных установок, к которым политики считают нуж-

ным обращаться. Когда во второй части я буду обсуждать эти модные темы, в фокусе внимания окажутся предпосылки, их подкрепляющие, а не рекомендации по неким альтернативным системам устройства образования (за немногочисленными исключениями).

Первая, главная часть книги начинается с общего описания места, занимаемого университетами в современных обществах, после чего в главе II излагается краткая история того, как британские университеты оказались сегодня в той ситуации, в которой они оказались. В главе III в диалоге с классическим текстом Джона Генри Ньюмена «Идея Университета» исследуются отношения между идеалом «либерального образования» и целью, состоящей в расширении границ человеческого познания. Для развития этой аргументации в главе IV дается более пристальное изучение природы и роли гуманитарных наук. Вряд ли нужно говорить, что причина такого внимания к этому не в том, будто я считаю их более важными для университета, чем естественные науки и социальные, но, с одной стороны, в том, что их характер и ценность обычно понимаются хуже, чем характер и ценность естественно-научных дисциплин, а с другой — попросту в том, что с этими дисциплинами я лучше знаком. Затем в главе V дается более откровенная полемика с господствующими в настоящее время описаниями функций университетов. Во второй части я придерживаюсь иной стратегии, предлагая разные примеры того, как критика официальной позиции последних лет по отношению к университетам позволяет внедрить в публичный дискурс более точное описание их природы и целей. Главы во второй части в целом короче, носят более сатирический и более контекстуальный характер; они суть попытки приложить некоторые из общих соображений, намеченных в первой части, к текущим дебатам, выписав их в полемичном и ситуативном виде. В этих главах также показывается, хотя и в общих чертах, что на протяжении двух последних десятилетий сменявшие друг друга правительства, какой бы партией они ни формировались, последовательно пытались навязать университетам все более экономистскую по своему содержанию повестку.

Поскольку то, что я хочу сказать об университетах, в какой-то мере является отражением практики, в самом начале надо указать на то, с какого рода практикой я больше всего знаком. Если говорить широко, моя собственная работа — письмо и преподавание — велась на пересекающихся полях литературы и истории. В частности, мои труды касались некоторых аспектов литературной и интеллектуальной культуры (преимущественно) Британии XIX и XX вв. (а теперь и XXI), в том числе истории университетов. Конечно, содержание моего высказывания было бы иным, если бы моя биография была связана, скажем, с философией, музыкой, классической филологией или историей искусства и особенно если бы я занимался социальными или естественными науками. Также необходимо признать, что опыт, на который я опираюсь, был приобретен в сравнительно благоприятных обстоятельствах в весьма престижных и по большей части хорошо обеспеченных университетах — сначала в Университете Сассекса, где я трудился с середины 1970-х по середину 1980-х годов, а потом в Кембриджском университете. Я допускаю, что любому работающему в этих институтах нужно регулярно напоминать о том, что в других местах деятельностью, состоящей в обучении и исследовательской работе, заниматься порой приходится в куда более стесненных обстоятельствах.

Хотя я считаю, что многие из рассматриваемых в этой книге вопросов являются общими для университетов разных стран, и надеюсь, что мои доводы найдут отклик у тех, кто сталкивается с похожими проблемами в других местах, думаю, не надо извиняться за то, что темы и иллюстрации я в основном отыскиваю в собственном опыте работы в британских университетах, а свои аргументы облакаю в термины, которые нацелены на то, чтобы изменить условия публичных споров по этой теме в современной Британии. В целом же я должен предоставить тем, кто больше знаком с университетами и публичными дискуссиями в других странах, решать, насколько сказанное мной применимо к знакомым им условиям. Ответы, приходившие из разных стран мира на статьи по тем или иным аспектам британской ситуации, которые я писал в

течение многих лет, заставляют меня думать, что найти показательные параллели не так уж сложно.

Книга «Зачем нужны университеты?» — не философская монография и не проект реформ. Самая близкая ей литературная категория — это полемика, пересекающаяся, в свою очередь, с такими жанрами, как сатира, иеремиада, манифест и эссе по культурной критике. Договор, который эти жанры предлагают читателю, основан на понятии убедительности. Они не пытаются добиться согласия за счет логической неопровержимости или же эмпирической полноты, и точно так же их аргументы не основаны на досконально проработанных предложениях. Они стремятся всего лишь направить внимание читателя на то, чем доселе пренебрегали, что неправильно описывали, недооценивали или подавляли, сделать так, чтобы он все это признал. А процесс признания всегда требует того или иного обращения к тому, что читатель в глубине души уже знает, ведь в противном случае описываемое просто нельзя было бы признать — его можно было бы лишь констатировать. Я надеюсь, что книга покажется информативной и убедительной самым разным читателям, но прежде всего — что читатели *признают* этот текст и увидят в нем доводы, которые взывают к их собственным, в каком-то смысле вытесненным, представлениям о том, зачем нужны университеты, а это, в свою очередь, поможет им и подтолкнет их отстаивать эти доводы в публичной сфере.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В начале XX в. университеты по всему миру оказались в парадоксальном положении. Никогда раньше они не были настолько многочисленны и важны, и в то же время никогда раньше они не страдали от настолько удручающей нехватки доверия и утраты идентичности. Они получают больше государственных денег, чем когда-либо прежде, но им еще никогда не приходилось тратить столько сил на защиту своего общественного статуса. Сегодня, когда студентов, обучающихся в этих институтах по всему миру, в несколько раз больше, чем училось в них еще поколение назад, широкое распространение получил беспрецедентный скепсис относительно преимуществ (как интеллектуальных, так и материальных) университетского образования. И хотя в одних случаях университеты превозносятся как двигатели технического прогресса и экономического процветания, а развивающиеся страны спешат создать побольше университетов, пытаясь достичь тех же целей, в других случаях их обвиняют в «самодовольстве», «отсталости» и «элитизме».

Такие противоречия приобретают разные формы в зависимости от местных обстоятельств и культурных традиций, однако уже сам масштаб распространения университетов во всем мире в последние десятилетия указывает на то, что от этих любопытных институтов ждут многого, возможно, слишком многого или, не исключено, не совсем того, для чего они больше всего подходят. Государства, надеющиеся, что их недавно созданные университеты станут двигателем экономического развития, обычно говорят о них с большим оптимизмом, чем богатые западные общества, чьи давно созданные образовательные заведения опасаются, как бы инструментальный дискурс современных рыночных демократий не стал

слишком нетерпимым к традициям открытого исследования, которые до сих пор были отличительной чертой этих институтов. Среди университетов те из них, что специализируются в технических, медицинских и профессиональных дисциплинах, обычно больше уверены в том, что будущее за ними, чем университеты, специализирующиеся в гуманитарных науках или даже во многих отраслях «фундаментальных» наук. Преподаватель бухгалтерского учета или предпринимательства из Сингапура или преподаватель металлургии из Уханя вполне обоснованно могут считать, что университеты никогда не были такими популярными и никогда так хорошо не обеспечивались. Тогда как преподаватели средневековой истории из Огайо или немецкой литературы из Шеффилда, возможно, чувствуют, что их дисциплины, да и карьеры, никогда не находились в таком неопределенном положении и никогда не ценились так мало.

Поскольку гигантский рост последних десятилетий коснулся не только количества студентов, но также спектра предметов и типов институтов, сегодня уже слишком поздно отстаивать пуристскую точку зрения и требовать строгого употребления термина «университет»: хорошо это или плохо, но сегодня он применяется к великому множеству самых разных форм заведений высшего и среднего специального образования. Эти институты выполняют несколько важных социальных функций, начиная с профессиональной подготовки и заканчивая передачей технологий, и точно так же они работают на ряд чрезвычайно важных общественных целей, знакомя студентов с гражданскими ценностями и повышая социальную мобильность населения. Ничто из сказанного мной в данной книге не пытается принизить эти функции и цели или же опровергнуть то, что они играют важную и законную роль в жизни нескольких типов высших учебных заведений, существующих во многих странах. Однако такие цели и функции, очевидно, не являются отличительными или же определяющими признаками университетов, и если мы спрашиваем, зачем нужны университеты, мы, очевидно, должны поразмыслить над их характером, выйдя на другой уровень. Я не постулирую здесь некий иде-

альный университет и не предполагаю (как вскоре станет ясно), что «настоящие университеты» существовали раньше, а теперь сама их суть размыта и искажена так, что их просто не узнаешь. Напротив, я спрашиваю, как мы должны сегодня понимать и характеризовать особенные качества университетов, отличающие их от других школ, исследовательских лабораторий, ученых ассоциаций, музеев и других заведений, пусть у них и есть некоторые общие с ними черты.

Занятная историческая особенность: наименование или понятие «университет» приобрело такой престиж и силу, что в некоторых странах так стали даже называть институты, не имеющие практически ничего общего с европейскими или североамериканскими университетами XIX–XX вв., которые впервые заработали этот престиж. В подобных случаях понятие университета используется всего лишь для обозначения заведений высшего или профессионально-технического образования. Но не пытаюсь ли я этим замечанием выделить те институты, которые делают нечто большее или по крайней мере не только это? Если так, почему у этих других институтов больше прав на указанное наименование? Можно сказать, что прав у них больше просто потому, что они все-таки ближе к институтам того типа, которые с самого начала заработали себе такую репутацию. В конце концов, существующие университеты не пытались присвоить название и перенять характер технических вузов, педагогических училищ, сельскохозяйственных школ и т.д.: подражание всегда шло в обратном направлении. Поэтому в подобных случаях нам нужно рассмотреть, на какие характеристики «университета», помимо его престижа, претендуют другие заведения.

Университеты работают внутри разных культурных и (в какой-то мере) интеллектуальных традиций, а отношения между ними и государствами, к которым они приписаны, существенно различаются, особенно в финансовых аспектах. Хорошо обеспеченный частный университет в США может косвенно получать значительную часть своего дохода из федерального фонда — благодаря исследовательским грантам и специальным программам, но по

сути своей он остается независимой корпорацией, которая вольна определять свои собственные цели и зарабатывать прибыль. Будущее среднего государственного университета в той же стране может почти целиком определяться колебаниями местного общественного мнения, выражаемого в законодательном собрании штата. Практически все британские университеты чрезвычайно зависимы от государственного финансирования, но, хотя выделение этих денег обставляется рядом все более строгих условий, сменявшие друг друга правительства соблюдали (по крайней мере до сих пор) принцип автономии университетов, закрепленный в их уставах, позволяя им в значительной степени самостоятельно определять внутреннюю политику, в том числе академические программы. Во многих странах континентальной Европы университеты, по закону обязанные в некоторых случаях принимать любого абитуриента с достаточным табелем школьной успеваемости, находятся под прямым контролем национального или регионального министерства образования. Подобные институты считаются прямыми орудиями государственной политики, в том числе различных программ социальной ассимиляции и прививки гражданских ценностей, тогда как элитное образование и исследовательская работа часто в значительной мере сосредоточены в нескольких «больших школах» (*grandes écoles*) и государственных исследовательских институтах. В некоторых странах Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки университеты, которые в действительности являются исключительно государственными техническими школами, специализирующимися в таких предметах, как инженерное дело и сельское хозяйство, соседствуют с частными институтами, как правило, специализирующимися в экономике и предпринимательстве, причем последние зависят главным образом от платы за обучение, вносимой детьми относительно состоятельных семей. В наших достаточно пространных размышлениях на эту тему мы обычно говорим об «университете» вообще, словно бы все эти институты таких разных типов были причастны к некоему общему формообразующему идеалу или общей сущности, однако, когда сталкиваешь-

ся со столь обескураживающим многообразием, нелегко понять, что же это за идеал или сущность.

Задача становится еще более сложной из-за значительного умножения преподаваемых предметов и тем исследования. В действительности многие университеты давно уже предлагают курсы, не ограничивающиеся традиционным костяком гуманитарных и естественных наук, но особенно заметное увеличение числа таких курсов наблюдалось в последние десятилетия. Дипломы по управлению гольф-клубом выдаются наряду с магистерскими дипломами по программированию; должности профессоров по уходу за новорожденными открываются рядом с постдокторскими программами по исследованию культурного наследия. Кроме того, университеты все больше становятся центрами творчества и исполнительских искусств, а также политического консультирования, а университеты в странах, испытавших влияние англо-американской традиции, часто играют важную роль школы спортивных талантов. «Мультиверситет» — это термин, придуманный, возможно отчасти в шутку, в 1963 г. тогдашним ректором системы Калифорнийских университетов Кларком Керром, дабы отобразить поразительное многообразие форм деятельности, ныне осуществляющейся в крупных исследовательских университетах¹. В качестве наименования термин не прижился, но я использую его в нескольких местах в данной книге, чтобы специально подчеркнуть это многообразие.

В некоторых обстоятельствах было бы правильно ухватиться за множественное число слова «университеты» из заглавия этой книги и сказать, что, поскольку наименование «университет» применялось к учреждениям столь разных типов, не стоит искать единого ответа на поставленный вопрос. Однако я подозреваю, что многие читатели усмотрели бы в этом необоснованную попытку уклониться от вопроса. В конце концов, в каком смысле определение характера университетов должно соответствовать их (чрезвычайно многообразной) наличной реальности?

¹ Kerr C. The Uses of the University. 5th ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001 [1963].

Очевидно, мы ищем не просто статистическую или таксономическую сводку, а своего рода чуждость этих институтов, в которой отобразилось бы отличительное качество предлагаемого ими образования или проводимых в них исследований, противопоставляющее их ряду других общественных учреждений.

2

Можно сказать, что современный университет должен обладать абсолютным минимумом следующих четырех характеристик:

1. Обеспечивать ту или иную форму высшего образования, которое в каком-то смысле не ограничивается просто профессиональным обучением.

2. Развивать некую форму передового исследования или научной работы, характер которой не до конца диктуется потребностью решать непосредственные практические задачи.

3. Осуществлять такие виды деятельности в одной дисциплине или четко определенном секторе дисциплин.

4. Пользоваться определенной формой институциональной автономии, по крайней мере в том, что касается интеллектуальной деятельности.

Это, конечно, весьма скудная характеристика, но она уже наводит на мысль о том, почему сама форма университета стала такой притягательной. Структура всех четырех качеств зависит от неявного противопоставления чему-то более ограниченному, чему не хватает этих сложно определенных, но при этом манящих масштабности и свободы, присущих университету. В то же самое время данный минимальный исходный перечень уже указывает на то, почему эти институты могут стать такой большой проблемой для обществ, которые их содержат. Похоже, что в силу самой своей природы они постоянно выходят за пределы перечня задач, поставленных перед ними обществом. Сама открытость их основных видов деятельности грозит узакониванием форм исследования, которые могут обратиться против целей тех, кто их финансирует или поддерживает. Возникает вопрос — не заключают ли

общества фаустовскую сделку, когда создают университеты: они просят их служить тем или иным целям, но если дать университетам интеллектуальную свободу, необходимую для подлинного служения этим целям, они обязательно попытаются выйти за их границы или перевернуть все с ног на голову. Представителей «непрофессиональной» публики, а также (в более элитарных странах) чиновников вводят в управляющие советы или другие наблюдательные органы, но они не могут эффективно регулировать все то, что происходит в библиотеках и лабораториях. Общества хотят, чтобы ученые в университетах расширяли границы познания и открывали новое знание, но у этих форм деятельности есть своя собственная логика, которой нельзя противиться, не поставив под вопрос сами исследования. Конечно, в некоторых случаях можно пойти на крайние меры, чтобы исследования и монографии не слишком отклонялись от официального сценария: например, уволить для острастки нескольких профессоров. Но в обществах, в целом являющихся либеральными, подобные меры вызывают недовольство, поэтому необходимо искать более тонкие методы, дабы справиться с неизбежными расхождениями между главенствующими определениями социальных целей и неуправляемой игрой исследовательского разума.

В дополнение к четырем минимальным характеристикам университеты (по крайней мере те из них, что присуждают степень доктора наук по своим основным дисциплинам или какой-то ее аналог) обладают еще одной странной характеристикой, которая мешает другим силам общества удовлетворительно их контролировать. Университеты относятся к тем немногим институтам, чья логика включает отбор и выращивание своих собственных будущих сотрудников. Школы учат всех — отличительной чертой их миссии не является формирование и подготовка будущих школьных учителей. Компании нанимают новый персонал и обучают его необходимым навыкам, но это второстепенная задача, не связанная напрямую с их основной целью, которая состоит в производстве товаров и услуг, а также получении прибыли. Напротив, подготовка будущих академических работников

и исследователей — не только техническая потребность университетов, но и внутренняя, составляющая их суть черта. Обучение человека и подготовка его к открытому исследованию, позволяющему достичь более глубокого понимания, — это своего рода подготовка к автономии. Из-за этого тем, кто находится вне университетов, намного сложнее решить, как должна осуществляться подобная профессиональная подготовка, а потому академическая профессия — в силу самой своей природы, а не патологической формы эгоизма — обязательно будет казаться замкнутой на себе и, кроме того, зависящей от себя еще и в найме новых сотрудников, в отличие от большинства других социальных организаций.

Университеты — это в каком-то смысле загадочные и непрозрачные институты, а потому при их описании обычно используются более привычные или непосредственно понятные категории. Возможно, наиболее распространенное, поскольку наиболее убедительное, но при этом ложное понимание университетов состоит в том, что они по сути — всего лишь брак по расчету, заключенный между определенным типом школы и определенным видом научной лаборатории. Конечно, с этими двумя институтами у университетов есть родственные черты, но есть между ними и отличия, которые и фундаментальнее, и интереснее. Согласно одной четкой, но именно поэтому лишь отчасти верной формуле, школьники — учатся, а студенты университета — изучают. Студентов знакомят со способами исследования, пригодными в разных дисциплинах; в идеале они должны не просто овладеть определенным корпусом знаний, а развить в себе способность ставить под вопрос или расширять доставшееся по традиции понимание определенной темы. По этой причине университетское обучение достаточно близко к парадоксу, состоящему в повелении «Будь самостоятельным!». Обучение всем составляющим проведения исследования в той или иной дисциплине отчасти сводится к практическому знакомству с примерами такой работы, за которым следует побуждение не воспроизвести их, а создать собственную работу, зависящую от понимания того, о чем именно говорили приведенные примеры. Это мож-

но сделать, лишь познакомясь с реальной работой в определенной дисциплине: если просто потребовать от человека искать истину, следить за точностью, выражаться ясно и т.д., это не приведет к желаемой цели, хотя поощрение к анализу самих этих абстрактных выражений может служить началом в обучении философии.

Те исследовательские лаборатории, которые поддерживаются некоторыми крупными корпорациями и благотворительными организациями, особенно в области медицины, напоминают жизнь на научных факультетах университетов в одном из ее аспектов, к тому же между этими институтами идет непрерывный обмен идеями и кадрами. Но существуют и важные различия в устройстве и горизонте работы; к тому же показательными могут быть и различия в этосе. У исследовательских лабораторий, которые не базируются в университетах, обычно есть цели, строго определенные характером головной организации. Верно то, что крупная корпорация может поощрять своих наиболее выдающихся исследователей не только оттачивать и совершенствовать уже имеющиеся продукты, но и раздвигать границы актуального состояния всей отрасли, что может породить новые идеи, а со временем и новые продукты. В некоторых отраслях, например в информационной или аэрокосмической, отдельные фундаментальные открытия и в самом деле были сделаны в таких лабораториях учеными, которые могли бы с равным успехом работать и на инженерных факультетах или факультетах компьютерных наук (хотя, возможно, и не получали бы там такого же финансирования). Тем не менее есть определенные ограничения у работы, которую может проводить корпоративный отдел исследований и разработок, причем эти сфокусированные исследовательские программы в той или иной мере паразитируют на более открытых и общих исследованиях, проводимых в университетах. Хотя такие лаборатории порой обучают сотрудников определенным методам, а иногда наряду с сотрудниками компании в них работают докторанты или участники постдокторских программ, они не обучают студентов, не присуждают докторские степени, а также серьезно зависят от университетов в наиме-

высокопрофессиональных ученых. Microsoft, Boeing, BP или другие крупные корпорации в высокотехнологичных отраслях, возможно, способствуют развитию знания в некоторых областях, но они работают не как университеты, а их акционеры вряд ли одобрили бы попытку воспроизвести университетские формы функционирования.

Прояснить ситуацию способны аналогии между университетами и институтами совершенно иного типа — как раз потому, что эти аналогии не такие модные. В каком-то смысле суть университета ближе к музею или галерее, чем обычно считается и чем готово признать в современных дискуссиях большинство представителей университетов. Эти представители, несомненно, испугались бы того, что при таком сравнении университеты покажутся слишком консервативными или самодовольными, слишком «обращенными в прошлое» (это выражение из лексикона современного благомыслия имеет ругательный оттенок, хотя мы, немного подумав, должны были бы признать, что большая часть того, что мы пытаемся постичь и понять, всегда относится к прошлому). Можно провести простое различие между исследовательской лабораторией и музеем по их отношению к прошлому: первая считается ориентированной на будущее и на открытия, тогда как второй занимается прошлым и его сохранением. Однако это привычное различие скрывает не только то, что музей выражает постоянно меняющееся отношение к человеческому пониманию и выступает местом для разных форм развития знания, но и, что важнее, тот факт, что любое научное сообщество погружено в практики и наблюдения своих предшественников, будучи отчасти сформировано ими. Более того, ни один из этих институтов не находится в вакууме: они требуют довольно обширной культурной инфраструктуры, включающей не только длительное обучение кураторов, музейных сотрудников и исследователей, но также и более широкий мир академии и науки, поддерживающий их. Вопрос «Зачем нужны музеи/галереи?» способен помочь в размышлении об университетах — в том числе и потому, что он напоминает нам: ответы не зависят от интересов исключительно сегодняшнего поколения. Любое сохранение,

любая передача или вручение наследия, а по сути и любое исследование неявно определяются своим отношением к будущему.

Нил Макгрегор, директор Британского музея, недавно заметил, что цель такого института — «найти людям место в вещах». Развивая данное высказывание, историк Дэвид Вуттон добавил, что цель истории как дисциплины — «найти прошлому место в нас»². Эти афористические замечания, с одной стороны, дают нам не слишком-то много, но с другой — указывают на нечто общее между университетами и музеями, на то, что позволяет людям соотноситься с миром и особенно со временем. И это, конечно, можно сказать не только о гуманитарных науках: поиски своего «места в вещах» — такая же задача для исследований по физике, астрономии, психологии или антропологии, как и для истории, литературы или философии.

Проведение параллели между университетами и музеями позволяет вывести еще одну важную в контексте актуальных споров мысль. В поддержании всевозможных, как говорят сегодня, «культурных достопримечательностей», как и большинства типов образования, значительный акцент делается на «доступности» предмета для интересующейся им публики, на гарантии того, что ее не отпугнет его чуждость или сложность. Но этот акцент всегда должен уравниваться параллельным требованием — интересным должно быть странное или то, что сначала сложно понять. Это не аргумент в пользу напускной темноты или неприступности, а признание того, что для многих людей сама инаковость определенного предмета (или идеи) может быть причиной его притягательности. Разум увлекается своим делом с большей самоотдачей тогда, когда пытается понять нечто первоначально сопротивляющееся нашим категориям, чем тогда, когда встречает еще один пример уже известного. И если музей может в изрядной степени утратить свою власть над воображением, ограничив коллекцию предметами, которые, как считает-

² Wootton D. Formal Feelings for History [рецензия на: MacGregor N. A History of the World in 100 Objects] // Times Literary Supplement. 2010. September 24. P. 17.

ся, людям легко «понять», точно так же университетский курс может перестать вызывать удивление и стимулировать интеллект, если точка зрения на то, что «важно» или «привлекательно», будет чрезмерно заужена. Когда речь идет о расширении познания — кому бы оно ни принадлежало, индивиду на определенном этапе его созревания или же обществу в определенной точке его исторического развития, — мы должны оставить место для сложного и чуждого, не занижая образовательное влияние, оказываемое и на воображение, и на разум необработанными и неподатливыми осадками пространства и времени.

Существуют и другие типы университетов, которые, возможно, указывают на сходство с рядом совершенно иных организаций — аналитических центров, комплексов исполнительского искусства, учреждений профессионально-технического обучения, а также спортивных клубов, домов культуры и брачных агентств. Кроме того, как нам часто напоминают сегодня, университеты — это крупные работодатели и один из основных источников процветания экономики, которая их поддерживает. Однако во всех этих сравнениях мы хватаемся за случайные или несущественные черты университетов, за функции, которые были в какой-то момент пристегнуты к их основным задачам, состоящим в расширении границ познания за счет преподавания и исследования. Часто отмечалось, что в некоторых крупных американских университетах, гордых своими спортивными традициями, тренер по футболу получает больше ректора университета. Легко понять, как это связано с зависимостью таких университетов от поддержки и щедрости выпускников и спонсоров, а также с той ролью, которую спортивный успех играет в поддержании особой разновидности местного патриотизма. Если занять точку зрения другой культуры, сложно не увидеть в этом еще одну патологию системной маркетинговой, но, как мне кажется, в любом случае вряд ли кто-то возьмется утверждать, что футбол или какой-то иной вид спорта объясняет, зачем нужны университеты, или каким-то образом определяет их особый характер. То же самое можно сказать и о других случайных или несущественных чертах университетов, которые

выделяются расхожими метафорами или аналогиями: их отличительное свойство заключается не в том, что они — крупные работодатели, генераторы дочерних компаний, политконсалтинговые фирмы, и не в том, что они могут играть роль центров развития молодых спортивных дарований или поставщиков дешевого пива. Современный мультиверситет, как указывает сам этот ярлык, включает широкий спектр различных видов деятельности, но это не означает, что мы не можем провести различие между ключевыми функциями университета и, с одной стороны, вторичными видами деятельности, скопившимися вокруг смыслового ядра, а с другой — теми социальными и экономическими эффектами, которые являются побочными продуктами или косвенными следствиями их главной цели.

3

Но можно ли и в самом деле сохранить эту главную цель, когда мир, в том числе и высшего образования, так быстро меняется? Рано или поздно этот вопрос, поставленный в той или иной форме, потребует ответа: осознание ускорившегося ритма социально-экономических изменений является, судя по всему, одной из определяющих характеристик современной рефлексии. В действительности нечто похожее можно было сказать и о прежних поколениях; они тоже думали, что в их эпоху изменения ускорились, а потому старые истины были поставлены под сомнение. Тем не менее к этому вопросу сначала нужно подойти без оглядки на подобные сравнения. Если мы спрашиваем, зачем нужны университеты, не следует ли нам признать, что их цель и природа радикально изменились под воздействием глобализации? Не должны ли мы перестать мыслить в категориях европейского идеала XIX в. и сосредоточиться, напротив, на том, почему наиболее мощной реализацией идеи университета в XXI в. становится азиатское воплощение американизированной версии европейской модели, так что на первый план выходят технологические, медицинские и бизнес-школы?

Повсеместно внедрившаяся привычка приставлять прилагательное «глобальный» к самым разным существительным часто указывает всего лишь на расхлябанность мысли и модную шумиху. Это слово стало считаться более громким синонимом термина «международный». Однако его все же можно спасти и привлечь к честному труду. Есть определенный смысл в описании некой закономерности или процесса как «глобальных», когда обнаруженные транснациональные сходства являются достаточно распространенными и в то же время рассматриваются как результат использования общих принципов, особенно проистекающих из экономического развития. Поскольку академические исследования и наука представляют по сути своей наднациональные формы деятельности, никогда не было недостатка в примерах того, как университеты в одной стране учились у университетов другой или подражали им, а с конца XIX в. само существование европейских империй определяло перенос выработанных в Европе моделей в другие части света. Однако относительным новшеством, появившимся лишь в последние два десятилетия XX в. и ставшим еще более выраженным в первые десять лет XXI в., является изменение масштаба высшего образования почти во всех «развитых» (и некоторых «развивающихся») странах наряду с одновременным внедрением схожих организационных и финансовых инструментов, расходящихся с национальными традициями, а в некоторых случаях обозначивших и отказ от них.

В одном недавнем сравнительном исследовании были выявлены главные черты этого изменения, составившие два списка (с неизменным выделением буллитами), в которых перечислены силы, действовавшие в системах высшего образования в середине XX в. и в наше время. Не все пункты представляются одинаково важными или правильно сформулированными, но общий смысл противопоставления вполне ясен и поучителен.

Первый список, озаглавленный «Основные силы, влиявшие на высшее образование 50 лет назад»:

- Первоначальная эпоха формирования систем массового высшего образования.

- Высшее образование, считающееся в целом общественным благом.
- Ограниченное внедрение международных моделей и практик высшего образования — высшее образование как продолжение национальной культуры.
- Национальные и региональные рынки студентов и институционального престижа.
- Высокая институциональная автономия — ограниченные меры отчетности.
- Государство как партнер сообщества высшего образования.
- Национальная аккредитация и аудит качества.
- Традиционная педагогика — ограниченное внедрение технологий.
- Существенные государственные субсидии.
- Небольшой коммерческий сектор — в основном в США.
- Зарождение активного научного сообщества.
- Ограничения межнационального переноса знаний и коммуникаций.

Второй список озаглавлен «Новая глобализация», в нем сравнение идет по тем же пунктам:

- Зрелая эпоха систем массового высшего образования в большинстве развитых стран.
- Высшее образование, все больше считающееся частным благом.
- Растущее международное внедрение и конвергенция практик и моделей высшего образования — высшее образование как продолжение глобализации.
- Растущий международный и наднациональный рынок студентов и институционального престижа.
- Упадок институциональной автономии — разрастание мер отчетности.
- Государство как противник сообщества высшего образования.
- Возможная международная аккредитация и аудит качества.
- Меняющаяся педагогика — растущее внедрение технологий.
- Сокращение государственных субсидий и, как следствие, рост платы за обучение, увеличение разнообразия источников финансирования, приватизация.

- Растущий частный сектор.
- Сложившееся научное сообщество.
- Глобальный перенос знаний и глобальные коммуникации³.

Простой и легкий рецепт культурной критики, нередко используемый колумнистами консервативных газет для приготовления своего еженедельного суфле, — придраться к современным процессам с точки зрения вчерашних стандартов. И именно в этом состоит риск для любого, кто пишет об университетах: принять качества из первого списка за мерило добродетели, которое ясно показывает, что все характеристики из второго списка являются прегрешениями. Но это не только указывало бы на довольно глупую форму консерватизма, обреченную на бессмысленность, но также и отвлекло бы от разнородности сравниваемых качеств. Например, трудно понять, как применение «технологии» в преподавании можно считать чем-то отличным от нейтрального внедрения изобретений, доступных обществу в целом: замена перьев шариковыми ручками, а письма от руки — машинописью может считаться утратой одного из важнейших принципов университета ничуть не больше, чем замена машинописи офисными программами (но это не означает, что новые возможности современных информационных технологий не накладывают свой отпечаток на поразительные изменения как в преподавании, так и в исследовательской работе). Точно так же можно было бы задаться вопросом и о том, действительно ли 50 лет назад наблюдалось лишь «зарождение активного научного сообщества», так что «сложившееся научное сообщество» — дело недавнего прошлого. Коммуникации, несомненно, ускорились, чему способствовало всемирное распространение английского языка, но эти изменения, хотя они вполне реальны, — всего лишь усиление той закономерности, которая действовала на протяжении гораздо более длительного периода времени и которую, конечно, нель-

³ Globalization's Muse: Universities and Higher Education Systems in a Changing World / ed. by J.A. Douglass, C.J. King, I. Feller. Berkeley: Berkeley Public Policy Press, 2009. P. 5–7.

зя представить как отступление от некоего более верного и чистого стандарта. Вопрос же о том, в качестве какого блага мыслится образование — общественного или частного, возможно, предполагает гораздо более общие убеждения относительно функционирования общества, а также, скорее всего, требует более прямого оценочного ответа.

Но ядром обоих списков является совокупность черт, которая явным образом указывает на изменение в масштабах референтных сообществ: национальное все больше заменяется международным. Один из очевидных аспектов этой перемены — возросшая мобильность студентов: какое-то время самыми желанными пунктами назначения были США и Британия, но в последние годы другие страны, в частности Сингапур и Австралия, стали функционировать в качестве крупных региональных рекрутеров. В конце 1990-х годов австралийским университетам было дано указание увеличить доходы, получаемые от платы за обучение иностранных студентов, и в итоге иностранцы составили более 25% обучающихся в них студентов, но в последние годы даже эта величина была побита некоторыми университетами Британии, США и других стран, особенно на уровне аспирантуры (Лондонская школа экономики привлекала так много аспирантов из других стран, что к 2010 г. 60% ее студенческого состава были иностранцами). Менее очевидны, по крайней мере англоязычным читателям, такие схемы, как «Болонские соглашения» в Европе, представлявшие собой попытку определить единообразный цикл начальных, магистерских и докторских степеней, который действовал бы в разных странах, ранее придерживавшихся достаточно различных классификаций и графиков обучения. Одно из оправданий этих схем заключается в упрощении перемещения из одной национальной системы в другую; в некоторых случаях с той же целью были навязаны семестровые «модули» как общая единица преподавания. Однако наиболее бросающимся в глаза и шокирующим признаком возросшего интереса к международным сравнениям является одержимость глобальными «рейтингами» университетов. Если позиции университета удовлет-

ворительны, их с готовностью цитируют в рекламных и пропагандистских целях, но, по правде говоря, на практике они не имеют никакого смысла. Данные по многим предметам не могут быть получены в по-настоящему сравнимой форме, а применение опросов субъективных и необоснованных мнений, в частности «студенческой удовлетворенности», приносит мало информации, которая была бы одновременно надежной и полезной. Кроме того, в этих рейтингах (сегодня их несколько, но наибольшее внимание обычно привлекает «шанхайский глобальный рейтинг») непропорционально большой вес приписывается «большой науке», так что итоговое ранжирование говорит об уровне расходов на научно-исследовательские проекты в различных университетах, и эти показатели признаются в качестве ближайшего приближения, пригодного для решения более сложных проблем, связанных с определением того, действительно ли один университет в том или ином значимом смысле «лучше» какого-то другого.

Значение, придаваемое этим, по большому счету, пустым упражнением, говорит о сочетании двух сил, которые имеют прямое отношение к обсуждению роли университетов. Первая заключается в примитивном предположении, будто университеты заняты непрерывной борьбой друг с другом, в которой видят некую международную конкуренцию, причем это представление является отражением более общих суждений о центральном значении экономической конкурентоспособности каждой конкретной страны. Сам язык выдает в этом случае своеобразный меркантилизм интеллекта, боязнь того, что запас национального богатства уменьшится, а не увеличится из-за успеха каких-то предприятий в других странах. Удивительно, как быстро и легко этот язык был усвоен за два-три последних десятилетия, хотя он вредит науке и академическим исследованиям, по своей природе обязательно требующим сотрудничества. Вторая сила — это растущее недоверие к разумной аргументации, которую сегодня часто считают либо завесой для частных интересов, либо формой элитистской надменности, а взамен ей прочат любой индикатор, который можно уверенно све-

сти к числам. Последние наделены аурой точности и одновременно объективности, а потому, когда они соединяются с предпосылкой о конкуренции, могут породить не терпящий оговорок рейтинг. Сегодня ректоры следят за рейтингами так же нервно, как и футбольные менеджеры, а позиции, в них занимаемые, часто служат для оправдания того или иного изменения в стратегии.

Таким образом, обсуждение университетов, как и многих других предметов, оказалось отягощено «синдромом рейтингов». Предполагается, что все «топовые» университеты «играют» в одной и той же «лиге» — я специально поставил кавычки, чтобы привлечь внимание к ошибочности этих привычных метафор. Национальное самолюбие, всегда тщеславное и ветреное, все больше связывается с наличием университетов, которые могли бы выступить в роли достойных конкурентов для американских локомотивов образования. И опять же, результаты оцениваются в основном по исследованиям в биологии, физике и медицинских науках, причем результаты этих исследований, в свою очередь, в значительной степени определяются финансовыми инвестициями. Отдельный институт может быть хорошим университетом и играть в интеллектуальной жизни общества, его содержащего, важную роль, причем в совершенно разных смыслах и отношениях, но все это просто не принимается во внимание. В Британии обсуждение по большей части сводится к тому, могут ли Оксфорд, Кембридж и Имперский колледж «конкурировать» с Гарвардом, Стэнфордом или Массачусетским технологическим институтом; в некоторых других странах все внимание приковано к необходимости вывести один или несколько университетов в первые «50» или «100» университетов мира. Вопрос о том, хорошо ли служит целям местного населения та же норвежская или швейцарская система высшего образования, просто не ставится (я выбрал эти примеры наугад, а не потому, что данные системы обладают какими-то особыми качествами), да и в любом случае нет возможности перевода ответа на подобные вопросы в псевдообъективность табличного формата. Транснациональный характер интеллектуального исследования сложился задолго

до модных разговоров о «глобализации», и точно так же внутренне определяющее его сотрудничество опровергает сказку о международной «конкуренции». И «глобальный», и «мультиверситет» — это, в общем-то, термины, к которым нужно относиться с определенной осторожностью, если не сказать скепсисом (вероятно, эта рекомендация — излишня в случае последнего термина, тогда как в случае первого она, хоть и уместна, вряд ли возымеет действие).

Один из способов указать на важность недавних изменений — сказать, что жизнь в университете сегодня *меньше отличается* от жизни в других крупных организациях, чем когда-либо за долгую историю этих уникальных институтов. Традиционно, когда пытались выяснить, для чего же нужны университеты, обращались к великим культурным героям интеллектуальных исканий начиная с Платона и афинской Академии, а в XX в. прославляли нобелевских лауреатов и увенчанных лаврами исследователей, чьи достижения, как считалось, определялись их затворнической жизнью, огражденной от многих тягот этого мира. Однако отвлеченная, утонувшая в цифрах и помешавшаяся на аудите и грантах жизнь большинства современных факультетов так же далека от классических идеалов созерцательной жизни, как и от той формы существования, которая, как предполагалось до последнего времени, отражалась в метонимии «профессорской комнаты». Сегодня положение заслуженного академического сотрудника, особенно если он руководит кафедрой или исследовательским центром, во многих отношениях ближе к менеджеру среднего звена в коммерческой фирме, чем к положению независимого исследователя или преподавателя-фрилансера, а условия работы младшего или временного преподавателя в некоторых неблагополучных институтах могут в крайних случаях сближаться с условиями труда работников колл-центра. Любой анализ, родственный представленному в этой книге, должен признать эти изменившиеся обстоятельства и разобраться с ними, поскольку в противном случае он может оказаться бессмысленным, если не смехотворным. Но для решения такой задачи следует попытаться не просто повторить

заклинания и лозунги, которые следуют канве этих обстоятельств. Цель данной книги в том, чтобы, сохраняя реализм и достаточную осведомленность о современном состоянии университетов, начать издалека, дабы возродить те способы понимания сущности и значения университетов, которые вот-вот выпадут из современного поля зрения.

Я могу заверить вас, что нижеследующее не является ни сатирой, ни пародией, хотя допускаю, что все это могло показаться смешным, если бы не было столь серьезным. На протяжении более двух десятилетий распределение той части в финансировании британских университетов, которая предназначалась для поддержки исследований, определялось результатом снова и снова проводившихся «Программ оценки качества исследовательской работы» (Research Assessment Exercise, RAE). Эти программы в целом требовали, чтобы все университетские факультеты предоставляли данные по исследованиям за отчетный период (обычно за пять лет). Данные в основном включали число публикаций на каждого сотрудника, информацию о среде исследований на факультете (т.е. мерах поощрения и поддержки исследований, в том числе исследований диссертантов), а также данные по оценке (различные формы академического признания, профессиональные позиции и награды). Весь этот материал оценивался комиссиями высокопоставленных академиков, отвечающих за отдельные дисциплины или группы родственных дисциплин, и на основе достаточно простой формулы, в которой наибольший вес приписывался качеству представленных публикаций, присуждались «баллы». Факультеты, набравшие наибольшее количество баллов, затем получали более значительную долю финансирования; точно так же эти присужденные баллы использовались, разумеется, для составления рейтингов.

* Впервые опубликовано в: Research Excellence Framework: Second Consultation on the Assessment and Funding of Research. L.: HEFCE, 2009. На этот «консультационный» документ предлагали ответить до его окончательного завершения в декабре; моя статья была опубликована в ноябре 2009 г.

На практике в применении этой программы было немало очевидных огрехов, а кроме того, она отнимала кучу времени. Отвечая на накопившиеся критические замечания, правительство пару лет назад объявило о возможности ее отмены или замены чем-то более простым. Правда, в итоге решили, что нельзя найти лучшего способа распределять финансирование, так что программа будет действовать и далее, хотя и в несколько измененной форме. Чтобы сохранить лицо, новую форму назвали «Стандартами высококачественного исследования» (Research Excellence Framework, REF). Общие принципы ее работы были недавно опубликованы Советом по финансированию высшего образования Англии (Higher Education Funding Council for England, HEFCE). В этом документе заявляется, что некоторые аспекты всего процесса еще предстоит определить, поэтому от университетов (и других заинтересованных сторон) ждут ответов в течение краткого «консультационного периода».

Во многих отношениях программа REF очень похожа на RAE и потребует предоставления примерно тех же данных (отобранных публикаций, информации о среде исследований и т.п.). Но был введен и один весьма важный элемент. В данной программе примерно 25% рейтинга (величина еще уточняется) будет отводиться на «импакт». Резон следующий: исследование должно «принести доказуемую пользу экономике в целом и обществу». В представленных общих принципах ясно сказано, что «импакт» не включает «интеллектуальное влияние» на работы других исследователей и не включает влияние на «содержание» преподавания. Это должно быть влияние «за пределами» академии, на других «потребителей исследования» (так что в комиссии по оценке будут теперь включаться, наряду с заслуженными академиками, и «потребители более широкого круга»). Кроме того, такой импакт должен быть результатом «усилий» самого факультета, нацеленных на «использование или применение результатов исследований», т.е. на него нельзя претендовать, если нашлись какие-то другие люди, которым удалось как-то использовать эти «результаты».

Как всегда, реальность, скрывающаяся за этими абстракциями, составляющими общие принципы, прояс-

няется благодаря некоторым иллюстрациям. В пассажах, касающихся «индикаторов импакта», разъясняется, что именно имеется в виду. В документе указывается, что некоторые индикаторы относятся к «результатам (например, к более высоким результатам в сфере здравоохранения или же росту коммерческой прибыли)»; другие показывают, что рассматриваемое исследование «обладает ценностью для пользовательских сообществ (например, в форме дохода от исследования)»; тогда как третьи предоставляют «ясное доказательство продвижения к позитивным результатам (таким, как внедрение или применение новых продуктов, социально-политическое консультирование, медицинские вмешательства и т.д.)». В документе предлагается «меню» принимаемых «индикаторов импакта» — всего в нем 37 пронумерованных пунктов. Почти все они относятся к «созданию новых бизнесов», «коммерциализации новых продуктов или процессов», привлечению «НИОКР-инвестиций глобального бизнеса», информированию «процесса общественной выработки политики» или улучшению «государственных служб», «ухода за пациентами и медицинских результатов», «социального обеспечения, общественной солидарности или национальной безопасности» (особенно странная группа целей). Только пять из всех этих пунктов объединены рубрикой «Обогащение культуры, включая улучшение отношений общества с наукой и исследованием». К ней относятся такие вещи, как «повышение уровня общественного внимания к науке и исследованиям (отображаемого, например, в опросах)» и «изменения в общественных установках по отношению к науке (отображаемые также в опросах)». Последний пункт носит название «Другие полезные для качества жизни следствия»: в этом и только этом случае не приведено никаких примеров. Под заглавием мы обнаруживаем одну-единственную строку: «Просьба предложить, что можно было бы включить в этот список».

Приоритеты, обозначенные всеми этими выражениями, проходят через весь документ. Например, при объяснении ранжирования «профиля импакта» каждого факультета по схеме «четыре звезды», «три звезды» и т.д.

даются «примерные определения уровней для субпрофилей импакта». Для «трех звезд» определение выглядит так: «высокоинновационные (но не прорывные) импакты, такие как новые продукты или процессы, с доказанным значением для определенных ситуаций». (Красота грамматических конструкций — не в числе сильных сторон этого документа.) А далее мы встречаем достаточно прохладный пассаж, в котором читаем: «Была высказана обеспокоенность относительно косвенного воздействия некоторых исследований, которые в определенных сферах могут приводить к социально-экономическому импакту, например за счет влияния на другие, “ближние” к рынку дисциплины, математические исследования могут повлиять на инженерные исследования, которые, в свою очередь, имеют экономический импакт). Мы намереваемся развить подход, который это будет должным образом учитывать».

Конечно, авторы этого документа, пытающиеся исполнить волю своих политических руководителей, в основном думают об экономических, медицинских и политических «импактах», а потому и имеют в виду преимущественно те научные, медицинские, технологические и социально-научные дисциплины, которые, как говорится в процитированной фразе, «ближе к рынку». Я не собираюсь говорить за моих коллег из других дисциплин, хотя понимаю, что у них тоже немало очень серьезных опасений относительно искажающего воздействия этой программы на их сферы исследований. Однако предпосылка программы состоит в том, что требования и критерии должны быть единообразны для всего спектра академических дисциплин (стоит спросить, почему должно быть именно так, но пока я отложу этот вопрос), и здесь я хочу обратиться к следующей теме — катастрофическому по своему потенциалу влиянию требования «импакта» на гуманитарные науки.

Как ясно указано вышеприведенными основными принципами, ими исключаются те виды импакта, которые обычно считаются наиболее важными для работы в гуманитарных науках, а именно влияние на работы других исследователей и на содержание преподавания. (Указано, что эти формы импакта охватываются оценками

самых публикаций.) В контексте задач этой части программы «импакт» означает влияние на «потребителей исследований за пределами университетов». Обычные читатели, похоже, не могут считаться «потребителями исследований». Так что 25% оценки «качества» исследований в гуманитарных науках, которыми занимаются в британских университетах, будет зависеть от данных по «импакту», понимаемому в этом достаточно специфическом смысле. Что это будет значить на практике?

Рассмотрим гипотетический случай. Предположим, что у меня есть коллега в другом университете (не все коллеги работают на моем факультете, несмотря на то что в подобных программах оценки считается, что факультеты конкурируют за место в рейтинге), и он является ведущим экспертом по викторианской поэзии. На протяжении нескольких лет он работает над критическим исследованием викторианского поэта, которого можно было бы назвать «трехзвездочным» («высокоинновационным, но не прорывным»). Книгу положительно оценивают несколько рецензентов, признавая ее лучшей в своей теме: она опирается на глубокое знакомство не только с викторианской поэзией, но и с другими поэтическими направлениями; в ней объединяются обширные исторические и биографические исследования, позволяющие прояснить смысл поэтических произведений; она точна и осторожна в оценке различных сложных текстов; наконец, она позволяет другим критикам прояснить их собственное понимание произведений этого поэта, внести в него какие-то поправки и обновить, причем их собственные работы и преподавательская деятельность повлияют на представления будущих поколений студентов, а также всех заинтересованных читателей. Также стоит отметить то, что такая книга воплощает общие ценности тщательного исследования и напоминает читателям о таких качествах, как чуткость, рассудительность и литературный такт, которые должны присутствовать в лучших достижениях критики. Для гуманитарных наук это образец «высококачественного» исследования. Но его «импакт» равен нулю.

Конечно, если исходить из сколько-нибудь разумного употребления этого термина, импакт такой работы оче-

виден уже по ее рецепции, но последняя, как мы выяснили, специально исключена из программы. Кроме того, любой импакт будет приписываться факультету моего коллеги только в том случае, если будет доказано, что он является прямым следствием деятельности этого факультета. Так что, если, скажем, можно будет доказать, что факультетская комиссия по импакту разрекламировала новые «результаты» коллеги нескольким продюсерам на радио и телевидении, и если один из этих продюсеров заинтересовался данной работой, что, положим, привело к созданию программы, имеющей некоторое отношение к «результатам» книги (которые, если они вообще интересны, наверное, не стоило бы называть просто «результатами»), и если существует определенный измеримый показатель реакции аудитории на эту программу, тогда, возможно, факультет получит чуть более высокую оценку. А если нет, значит нет.

Оставим пока без внимания тот факт, что для всего этого требуется потратить немало времени и сил (подчас безрезультатно), как и тот, что нет причин ожидать от специалиста по литературе каких-то особых способностей в ремесле рекламы и пиара. Остается еще и фундаментальный вопрос о том, почему факультет, исследования которого подхватили на стороне, должен получить более высокую оценку (и большее вознаграждение), чем какой-то другой факультет, которому с этим не повезло. Дело не только в том, что шансы на подобный перенос в другую среду определяются множеством неуправляемых факторов, но и в том, что нет причин полагать, будто такой перенос имеет какое-то отношение к исследовательским качествам исходного труда. Собственно, громкие или вульгарные трактовки (сосредоточенные, скажем, на сексуальной жизни поэта) могут с гораздо большей вероятностью добиться подобного успеха, чем тонкое критическое прочтение. И не получится ли так, что у исследователей будет мотив работать над темами, обладающими таким «рыночным» потенциалом? Мне вспоминается момент из фильма 1960-х годов «Выпускник», в котором более опытный друг кладет руку на плечо молодого Дастина Хоффмана и шепчет ему на ухо совет по карьере: «Пла-

стика». Может быть, заслуженные исследователи должны точно так же прошептать своим молодым коллегам: «Монархи дома Тюдоров»?

Эта программа требует не только того, чтобы все факультеты стали профессиональными маркетинговыми агентами, но и чтобы они уподобились необыкновенно проницательным и эрудированным историкам культуры. Ведь в подаваемых отчетах надо будет «определять обусловленный исследованием вклад представленного компонента в успешное применение или перенос высококачественного исследования». Задумывался ли кто-нибудь о том, что это будет означать в случае идей? Опытный историк культуры или общества, работающий над своей темой годами, может — ключевое слово здесь «может» — выделить со временем ту роль, которую некоторое академическое исследование сыграло в длительных изменениях социальных практик или установок, но для этого ему потребуется провести подробное изучение материала, которое, скорее всего, можно будет завершить лишь по прошествии значительного времени после публикации рассматриваемого исследования и только при наличии полного доступа к большому спектру источников. Однако каждый факультет должен будет провести примерно такую же работу, если он желает получить баллы за «импакт» своего «высококачественного» исследования.

Теперь рассмотрим другой пример. Три историка англосаксонской Англии, разбросанные по историческим факультетам трех разных университетов (редко бывает так, чтобы в одном месте их было много), на протяжении многих лет следят за работами друг друга и постепенно приходят к выводу, что все они разрабатывают новую интерпретацию значения, скажем, оружия, обнаруживаемого в захоронениях. Они публикуют свои результаты в статьях специализированных журналов, другие исследователи обращают на них внимание и постепенно соглашаются с новой интерпретацией, встраивая ее в собственные работы и преподавание. Куратор регионального музея, сам недавно окончивший один из этих исторических факультетов и продолжающий в какой-то мере следить за академической литературой, считает, что эта

новая интерпретация могла бы стать прекрасной темой для какой-нибудь выставки. Он договаривается о временном экспонировании предметов из других музеев, просит своего прежнего преподавателя просмотреть сопровождающие их информационные панели, и выставка и правда оказывается очень популярной. Эта история может показаться образцовым случаем исследования, влияющего на представления широкой публики, однако, когда каждый исторический факультет подает свои рапорты по программе REF, все это в них включить нельзя, поскольку выставка не была прямым результатом усилий самого факультета, нацеленных на «использование или применение результатов исследований». Импакт такого исследования приравнивается к нулю.

Чтобы в полной мере понять влияние нового требования «импакта» на исследования, нам, возможно, следует немного развить данный пример. В случае первого из трех этих исследователей комиссия REF на его факультете крайне недовольна упущенной возможностью, и ученый вынужден потратить значительную часть следующих пяти лет на общение с кураторами музеев и телевизионными продюсерами, надеясь на то, что его научные находки (на которые у него теперь намного меньше времени) будут подхвачены ими и использованы для каких-то своих целей. Также он пишет ежегодные отчеты по этой своей работе и планы, в которых разъясняется, как он собирается продолжать ее в будущем. В университете второго ученого от проректора по науке поступает указание, в котором говорится, что для поддержки исследования не будет предоставлено ни финансирования, ни академических отпусков, если только не будет заранее предъявлено «доказуемой величины импакта», причем работникам наказывается не делиться с коллегами из других университетов какой бы то ни было информацией или контактами, которые могли бы помочь этим университетам вырваться вперед. Второй историк начинает опасаться за свое будущее: он меньше занимается наукой, пишет в качестве анонимного автора «Книгу короля Альфреда о хлебе и выпечке», а затем переходит в своем университете на пост директора по исследовательской стратегии в обла-

сти гуманитарных наук. В третьем университете историк просто не может больше терпеть всего этого идиотизма, поэтому он устраивается в американский университет, где продолжает проводить «высокоинновационные» и «прорывные» (но лишенные импакта) исследования, которые изменяют представления об этой научной области у специалистов по всему миру.

2

Все мы можем с большим или меньшим основанием гадать о том, как же так получилось, что столь непродуманная стратегия была навязана британским университетам. Хотя она возникла до недавних перестановок в кабинете, тот факт, что ответственность за высшее образование возложена ныне на Министерство торговли и промышленности лорда Мандельсона, является весьма прискорбным подтверждением официальной позиции. Но даже если бы университеты были более мощными политическими игроками, все дело в том, что «сектор высшего образования» в Британии ныне слишком велик и разнороден, как по типам институтов, так и по дисциплинам, чтобы было разумно подчинять его единообразной форме оценки. Оправдание исследовательской деятельности, предположим, лектора в бывшем политехническом институте, который в основном занят курсами повышения квалификации для операционных сестер, работающих в местном медицинском заведении, должно отличаться от оправдания исследовательской деятельности лектора в традиционном университете, в основном руководящего докторантами и семинаром по латинской литературе для студентов выпускного курса. Последняя исследовательская деятельность может быть такой же ценной, что и первая, хотя и в другом смысле, а отношение этого исследования к соответствующей аудитории тоже может быть другим, так что эти различия должны отражаться в разных формах оценки и финансирования.

Даже если рассматриваемая нами политическая программа представляет осознанную попытку правительства преобразовать характер британских университетов (а гу-

манитарные науки, я подозреваю, будут попросту раздавлены катком, разогнанным для совершенно иных целей), все же важно попытаться привлечь внимание общества к заложенным в ней противоречиям и путанице. В конце концов, тут обнаруживаются довольно грубые понятийные ошибки. Например, в программе смешаны понятия «импакта» и «пользы». Не предлагается никакого способа определить, насколько желателен тот или иной импакт; считается, что, если можно доказать то, что данное исследование затронуло определенное число людей, которые вроде бы находятся «вовне», тогда это уже говорит о социальной пользе такого исследования. Также понятие «польза» ограничивается тем, что специально планировалось и что было успешно достигнуто. Хорошая работа, которая приобрела широкое влияние без непосредственного участия авторов, не будет ни более, ни менее ценной, чем работа, влияние которой — результат целенаправленных усилий, или даже просто хорошая работа, у которой нет такого влияния. Здесь заметна очевидная путаница, связанная с вопросом о том, что именно оценивать. Вместо того чтобы указать на то, что «импакт» такого рода является желательным социальным благом, дополнительным по отношению к качеству исследования, в программе величина импакта учитывается в измерении качества исследования. Если говорить категориями этой программы, исследование плюс маркетинг не просто лучше исследования без маркетинга, но лучшее исследование.

За всеми этими тактическими ошибками скрываются еще более серьезные заблуждения, которые все больше распространяются в публичном дискурсе. Начать хотя бы с овеществления «внутреннего» и «внешнего». Предполагается, что единственный способ оправдать то, что происходит «внутри», — доказать некую пользу «снаружи». Однако никто из нас не находится в полной мере ни «внутри», ни «снаружи» институтов или идентичностей, которые в какой-то мере определяют, кто мы такие; эти пространственные метафоры могут привести к серьезным ошибкам. И точно так же ошибка — считать, что, раз деятельность, требующая расходов (как, собственно, большинство видов действий), косвенно привела, как

можно показать, к расходам других людей, значит, она в какой-то мере более оправдана, чем деятельность без такого косвенного следствия. Искусство — это ценная форма человеческой деятельности, но если мы покажем, что оно, помимо всего прочего, «порождает» оборот в миллионы фунтов стерлингов благодаря посещениям культурных мероприятий, покупкам, занятости и т.д., это не значит, что оно станет более ценной деятельностью.

Определение «импакта» в Оксфордском словаре английского языка указывает на главную проблему: «Акт столкновения; удар одного тела по другому; столкновение». В предложенной программе требуется найти доказательство того, что одно тело (университеты) бьет по другому телу (по неуниверситетам, т.е. по тому, что в данном случае называется обществом). И ничего больше — это чисто механистическая модель. Однако в реальности хорошие исследования могут повлиять на мышление и чувства самых разных людей, в том числе других исследователей (которые, в конце концов, тоже граждане, потребители, читатели...), совершенно иначе, в каком-то более тонком, длительном и косвенном отношении, чем простое кляцанье бильярдных шаров.

Нет нужды говорить, что совершенно законно желать того, чтобы специалисты из той или иной области время от времени пытались объяснить, в чем интерес и значение их работы, неспециалистам (к которым, давайте не будем об этом забывать, могут относиться и специалисты из других областей). Обращение к такой аудитории, состоящей из неспециалистов, — занятие само по себе похвальное, и хорошо, если правительство, вроде бы озабоченное заметным дефицитом «внимания» общества к академическим исследованиям, пожелает его поддержать. Однако это существенно отличается от того, что требует от нас рассматриваемая программа, а именно от данных, подтверждающих, что «внешние потребители» исследования «потребили» его, причем такие данные (или их отсутствие) впоследствии учитываются при определении рейтинга качества оцениваемого исследования.

У меня есть коллеги, которые говорят, что для гуманитарных наук пиар-катастрофой стало бы, если бы на них

не распространили то же требование «импакта», что и на другие дисциплины, поскольку это привело бы к понижению их статуса и сокращению финансирования. То, что формы и критерии импакта, затребованные соответствующей процедурой, не подходят для гуманитарных наук, этими коллегами даже не обсуждается, как и вообще всеми, кто работает в данной сфере. Однако они понимают, что требования останутся, пусть даже после «консультаций», так что все мы должны как-то приспособиться и по возможности «проработать систему».

Конечно, нет смысла относиться к таким вещам с наигранной наивностью, однако просчитанная реалистичность подобного ответа может в долгосрочной перспективе подорвать сама себя. Дело не только в том, что мы должны ответить на вызов «консультации», сколь бы лицемерно этот термин ни использовали, и как можно прозрачнее объяснить в наших ответах то, как основные принципы в их актуальной формулировке могут нанести ущерб. Также мы должны попытаться использовать более адекватный язык в публичном обсуждении, иначе все активно внедряемые официозные абстракции окончательно захватят наш мозг. Одна из причин, почему эти меры не вызывают более заметного и громкого сопротивления, заключается в том, что за последние три десятилетия наша чувствительность была отбита распространением экономического официоза, всех этих разговоров об «удовлетворении пользователя», «рыночных силах», «подотчетности» и т.п. Возможно, наши уши перестали слышать, насколько пустым и скользким является выражение «стандарты высококачественного исследования» и насколько смехотворны предложения судить о качестве исследования в том числе и по количеству «внешних потребителей исследования» или по ряду «индикаторов импакта».

Чтобы не дать возможность этому бессмысленному жаргону стать единственным словарем публичного обсуждения таких вопросов, стоит подчеркнуть (как я сделал ранее, в главе IV), что «гуманитарные науки» — это собрание различных способов отношения к памяти о человеческой деятельности в ее величайшем богатстве и разнообразии.

Попытка углубить наше понимание того или иного аспекта этой деятельности — разумное и осмысленное выражение методичного человеческого любопытства, а потому и самодостаточная цель, если только это выражение имеет в данном контексте какой-то смысл. Если представленные основные принципы не изменить, ученые из британских университетов будут тратить меньше времени и сил на такие попытки и больше — на работу в роли торговцев, которые будут ходить с вульгарными переделками своих все более рыночных «продуктов» от одной двери к другой. Никогда не поздно попытаться предотвратить этот исход.